

волю в посланной им грамоте, где было сказано: «И мы указали есмя на урядникову жену Сеножацкаго обменить Ивана Колтовского с женою и детьми, а будет Ивана Колтовского не дадут, указали есмя на ту жену Сеножацкаго обменять тех детей боярских. А как ся наша грамота придет, вы бы писали о том уряднику»...

Относительно освобождения из плена в царствование Михаила Федоровича обращает на себя внимание Государева грамота 1644 года²²³ Курскому воеводе Ивану Филипповичу Стрешневу. В этой грамоте было сказано: «Бил нам челом Курский осадный голова Ларя Петров, а сказал: в прошлом 151 (1643) году в приход в Воронеж взяли его на бою в полон Крымские Татаровя, *а из полону отпустили его за крестное целование*, что ему дати за себя откуп в 153 (1645) году, на Валуйке²²⁴ во время выкупа и размены полоняников. И мы его пожаловали есмя, велели отпустить из Курска на Валуйку для выкупа».

В 1642 году из Оскола Государю писал воевода Дмитрий Плещеев о том, что присланный из Москвы в 1635 году вестовой колокол был до его приезда в Оскол «нарушен и по татарским вестям разбит» и в сплошное время звонить не во что. Воевода просил, чтобы Государь велел дать указ о присылке нового колокола, «а разбитый колокол, – писал он, – весит 13 пуд и 18 гривенок²²⁵, и в сплошное время в слободах и на посадских полях от того колокола звону не было слышно, а в Пушкарском приказе пишет же холоп твой». Сообщение воеводы о недостаточности силы в звуке прежнего колокола было принято во внимание, и в Оскол, по указу Государя, был отлит больший вестовой колокол, весом в 15 пуд 15 гривенок. Колокол был отдан Осколянину Калине Еремееву для доставки из Москвы в Оскол.

²²³ Белгородские столбцы, столб. 157-й.

²²⁴ Где обыкновенно происходил размен пленных с Крымскими Татарами.

²²⁵ То есть, фунтов